

Новые религии как социокультурный и идеологический феномен

Сегодня все слышаны о беспрецедентном в истории нашей страны появлении множества новых религиозных объединений, которые еще недавно широко и открыто (по радио и телевидению, на стадионах и в клубах) вели массовую пропаганду нетрадиционных вероучений и культов. Распространение в России новых религий во многом соответствует тому явлению в странах западного мира, которое два-три десятилетия назад получило название религиозно-мистической волны. Этот удивительный феномен называли также «религиозным калейдоскопом» за свойственное новым религиям чрезвычайно разнообразие вероучений, обрядов и форм организации.

В западных странах некогда крутая волна новых сект и культов постепенно пошла на спад: упорствующие в своем протесте против общества свободно-рыночной экономики альтернативные религиозно-утопические движения утратили влияние и распались, другие пошли на компромисс, усвоили методы предпринимательской деятельности и соответствующие формы управления и организации. Превратившись в обычные религиозные объединения, они потеряли прежнюю популярность, во-первых, за счет разочарования и отхода от них богоискателей, а во-вторых, из-за конкуренции с более крупными и влиятельными традиционными церквями [1].

Кардинальные социально-политические и идеологические изменения в странах бывшего социалистического лагеря открыли обширные территории для распространения новых сект и культов. Первой приняла на себя всплеск религиозно-мистической волны бывшая ГДР. Пресса отреагировала на это характерным названием серии статей и интервью: «Гуру идут» [2]. Приведенные в этой публикации наблюдения и высказывания ярко показывают, в сколь широких масштабах восточногерманская молодежь оказалась под влиянием проповедников из новых сект и культов в результате почти мгновенной утраты коммунистической идеологии и соответствующих организационно-партийных форм жизни. Произошел «переход от мифов Хонеккера к фетишизму гуру»; «слом центрального аппарата привел к тому, что многие молодые люди потеряли ценности и ориентации. Возник вакуум, требующий заполнения». Эмиссары новых религий оказались тут как тут, а им не занимать ни напористости, ни далеко идущих планов. Руководитель филиала мунистской «Церкви объединения» в Восточной Европе Г. Андерсон высказался вполне определенно: «Кто-то должен же унаследовать место рухнувшей коммунистической империи. Теперь здесь ощущается нехватка вождей. Нам следует это учитывать при определении своей стратегии на девяностые годы» [2, S. 8].

Вскоре пришла очередь России и других государств, возникших на месте

бывшего Союза, испытать на себе бум новых религиозных движений. Тот же самый Андерсон стал ведущей фигурой на конференциях и семинарах, проводимых мунистами в Москве и Киеве.

Американскому футурологу А. Тоффлеру принадлежит очень точная метафора для характеристики рассматриваемой тенденции: «рынок спиритуальных товаров». Фактически он описал стихийно формирующийся религиозный плюрализм со всеми его позитивными и негативными чертами. Речь идет о неограниченном предложении вероучений и религиозно-мистических практик для удовлетворения широкого спектра индивидуальных и общественных потребностей: от экзотических переживаний до самых причудливых мировоззрений, от экзотических восточных монашеских объединений до тайных религиозных орденов и полувоенных организаций. Тоффлер предвидел возможность использования подобных «спиритуальных товаров» в качестве средств террористической и антигосударственной деятельности.

Жизнь оправдала худшие из этих опасений: сектанты из Ананды Марг стали совершать самосожжения, мотивированные политическими амбициями их теократически настроенного лидера Саркара; в Италии был раскрыт антигосударственный заговор масонской ложи П-2, была доказана ее причастность к крушению экспресса и взрыву железнодорожного вокзала; в Гайане произошло массовое самоубийство членов секты Джима Джонса «Народный храм». Цепь этих трагедий на почве религиозного экстремизма тянется по сей день: совсем недавно в Швейцарии сожгли себя сектанты «Храма Солнца».

Можно ли винить в этих трагедиях систему религиозного плюрализма и требовать ее ликвидации под тем предлогом, что она допускает возможность появления экстремистских сект? Конечно же, нет. Рассуждая аналогичным образом, можно было бы потребовать отказа от демократизации нашей страны на том основании, что у нас усилилась коррупция и появилась организованная преступность. Но виновата в этом не демократия сама по себе, а негативные явления, сопровождающие ее становление: слабость и несовершенство создаваемого на новых основах законодательства и органов правопорядка. Так что в религиозном экстремизме повинна не свобода вероисповеданий, а неспособность общества и государства избежать всплеска социального протеста (религиозные мотивы, конечно, могут способствовать активизации и консолидации этого явления, но не порождают его).

Согласно концепции Тоффлера, массовое появление новых религий, сект и культов — следствие крупнейшего цивилизационного сдвига, означающего вступление западных стран в постиндустриальную фазу общественного развития. Тоффлер далек от апологии новых культов, свойственной, например, Т. Роззаку, считавшему, что крупнейшие преобразования ближайшего будущего в области культуры, науки и даже производства станут возможны благодаря начавшемуся в русле молодежной контркультуры распространению новой, мистической, религиозности, магии и оккультизма, позволяющих осуществить «спиритуальную трансформацию» всех сторон социальной жизнедеятельности современного человечества [3,4].

Тоффлер же не только с большой тревогой взирал на появление пестрого и шумного многообразия новых религий и предостерегал о таящихся здесь опасностях, но и указывал на полную неподготовленность лидеров уходящей в прошлое индустриальной эпохи к встрече с политическим экстремизмом новых религиозных объединений.

Тем не менее он убежден, что «в самой гуще этого спиритуального супермаркета... взойдут семена новой позитивной культуры, соответствующей требованиям нашей эпохи» [5]. Думается, он прав, усматривая уже сегодня осуществление этого удивительного предвидения: «Начинают появляться мощные всходы новых интеграционных прозрений, новые метафоры, охватывающие смысл реальности. Уже можно мельком увидеть самое начало новой связанности и утонченности по мере того как обломки индустриальной культуры сметаются

историческими изменениями Третьей Волны» [5] (т. е. наступлением пост-индустриального общества.— *Е. Б.*).

Можно сослаться также на мнение социолога Д. Белла, считавшего, что социокультурные перемены будущего непременно породят новые религии [6]. Укажем и на известного религиоведа М. Элиаде, который анализировал современные религиозные новации в контексте общекультурных сдвигов, принимающих, по его словам, форму своеобразных «мод культуры». К ним помимо нетрадиционных религиозных представлений он относил новые литературные и художественные вкусы, научные подходы, а главное — существенно изменившиеся мировоззренческие и эстетические идеи. В целом все это составляет, согласно его выводу, новую парадигму общественного сознания и духовно-практической деятельности [7].

Таким образом, Белл, Тоффлер и Элиаде говорят, в сущности, об одном и том же, хотя каждый по-своему в силу разных исследовательских подходов и задач: *о возникновении новой духовности, новой культурной парадигмы.*

За последние годы в отечественной науке многое сделано для конкретизации этих понятий, для анализа их объективных исторических предпосылок. Речь идет о кардинальной трансформации сознания и деятельности человека, даже самой человеческой природы. Обсуждая пути и средства формирования ноосферы, ученые подчеркивают необходимость нового — космического и экологического — менталитета [8]. Он предполагает ощущение сопричастности человека всему существу, осознание органической целостности Космоса. Есть все основания полагать, что произойдет радикальное изменение операциональных структур человеческой субъективности и самого материального носителя духовной идентичности [9].

Таким образом, глобальная социокультурная проблема цивилизационного развития, своеобразно проявившаяся в широком распространении новых религий, вовсе не ограничивается рамками религиоведческих интересов и конфессиональных споров, хотя последние и выплеснулись сегодня на авансцену нашей социально-политической жизни.

Конфронтация новая, ожесточенность прежняя

Претендовать на серьезность и основательность может, видимо, только та идеология, которая при необходимой четкости и строгости своих основоположений способна учитывать противоречивость общественных явлений и формулировать достаточно гибкое и динамичное к ним отношение. Преобладание однозначных оценок в ожесточенных спорах о новых религиях свидетельствует не только об идеологической ослепленности их противников, но и о неразработанности самого предмета спора. К сожалению, приходится констатировать, что мы далеки от полного понимания специфики современных религиозных новаций и только ищем правильные формы взаимоотношений общества и государства с новыми сектами и культами на современном, демократическом, этапе развития нашей страны.

Споры эти вовсе не академические и не отвлеченно богословские. Едва лишь в конце застойного периода нетрадиционные религии оказались в поле зрения недреманного ока охранительных органов советского государства, они сразу приобрели острый политический характер. Начиная с 70-х годов, когда власти стали с беспокойством взирать на религиозных диссидентов, и вплоть до первых перестроечных лет «дискуссии» велись в очень «жестком регламенте»: приверженцы новых религиозных движений пытались отвести от себя чудовищные идеологические и политические наветы, но их упорно преследовали. По данным общества Сознания Кришны, за годы репрессий в тюрьмах и лагерях побывало около 50 верующих этой конфессии, причем из-за невыносимых условий заключения несколько человек погибли [10].

Сегодня, после нескольких перестроечных лет, отмеченных эйфорией религиозного пробуждения, позволившей богоискателям выйти из подполья, ле-

гализоваться и на непродолжительное время стать чуть ли не кумирами общества (если судить по благожелательному приему их в средствах массовой информации), споры о новых религиях возвратились на круги своя. Маятник движется в обратную сторону, возрождается *былая* жесткая непримиримость в отношении новых религий. Церковь, возглавив антикультовое движение, стремится присоединить к нему различные административные и государственные инстанции. На своем Архиерейском соборе она осудила и подвергла анафеме все разнообразие новых религиозных движений, включая Агни-йогу Рерихов — не столько религиозное, сколько философско-этическое течение. А в самое последнее время создала совершенно новое подразделение — организацию миссионеров, которая намерена активно работать во всех епархиях страны. Антикультовая активность Церкви направляется специально предназначенным для этого учреждением, носящим несколько загадочное название «Информационно-консультативный центр священномученика Иринея епископа Лионского». При одной из московских церквей действует «центр духовной реабилитации» имени А. С. Хомякова, в котором производится депрограммирование сектантов и пылают костры их еретической литературы.

Уже шла речь о применении к нетрадиционным религиозным организациям жестких ограничительных санкций и даже о начале их уголовного преследования как нежелательного и недопустимого в нашей стране явления. Возрождается, казалось бы, навсегда изъятый из употребления стереотип «врага народа»: вслед за национал-патриотами, разоблачающими «жидомасонский заговор», и «новыми правыми» от религии, клеймящими «сатанинские секты», даже некоторые религиоведы заговорили об угрозе для безопасности, экономики и культуры нашей страны, якобы исходящей от новых религиозных движений.

В целом установку на абсолютное неприятие новых религий следует рассматривать как вполне определенную церковно-догматическую, националистическую (шовинистическую) и политическую (монархическую) доктрину консервативной (точнее, реставрационной) направленности. Ее провозглашают в качестве законной преемницы известной формулы С. Уварова и К. Победоносцева «Православие. Самодержавие. Народность».

Церковно-догматическая критика новых религий доминирует в православной среде. Парадоксально, что в пагубности «сатанинских сект» спешат нас убедить и зарубежные «доброжелатели», вряд ли способные понять пагубность обострения межконфессиональной вражды для современной России, в которой достижение общественного согласия стало приоритетной задачей.

Первым с обличениями нетрадиционных религий перед нашими читателями предстал американец Серафим Роуз из Зарубежной (карлавадской) церкви. Эта организация не признает юрисдикции и авторитета Московской Патриархии и, подвергая ее самой резкой критике, зачисляет в число сатанистов. Так что в достоинствах и полезности книги о Серафима «Православие и религии будущего» для России есть основания усомниться даже с консервативной православно-патриотической точки зрения. Вслед за Роузом к нашему читателю поспешили другие американские авторы с аналогичными настольными книгами по борьбе с «еретическими культурами». Они столь же далеки от православия, как и от России со всеми ее сегодняшними проблемами У. Мартин, автор «Царства культов», протестант (а ведь ярые защитники православия на Руси зачисляют протестантов в число сатанистов, стремящихся погубить Отечество). Авторы книги «Обманщики» тоже протестанты, а один из них (Д. Макдауэлл) является представителем организации Кэмпус Крусеид фор Крайст, давно известной в Америке своей принадлежностью к евангелизаторским движениям, близко стоящим к новым религиозным организациям. Так что вопрос об «обманщиках» и здесь остается открытым.

Догматическая критика новых религий, получившая сегодня широкое распространение в массовых изданиях, вызывает удивление не только именами авторов, но и неточным, мягко говоря, пониманием своего предмета: к новым ересям и

культам причислены ислам, мормоны, свидетели Иеговы. Подобное расширение фронта конфронтации не только не способствует прояснению и смягчению напряженной религиозной ситуации в стране, но и усугубляет ее, возрождая, казалось бы, давно забытые конфессиональные споры и конфликты.

В последние годы лидеры «православных правых» усиливают пропаганду религиозной нетерпимости в стране. Верующих других конфессий они сплошь и рядом именуют «земными прислужниками сатаны», а россияне пытаются запугать «нашествием всеереси» и якобы творящимся в стране «бесовским шабашем».

Цель подобных заявлений — закрепить доминирующее положение Русской православной церкви, сделав ее в конечном счете религиозным монополистом. Это не может не вызывать ответной защитной реакции со стороны других религиозных объединений, некоторые из них предъявляют свои права на роль исконной и традиционной религии России (славянское язычество, старообрядцы, катакомбная церковь, карлавадская церковь и различные их ответвления). Так, приверженцы возрождающегося язычества древних славян заявляют, что русское православие является не исконной религией страны, а привнесённым из-за рубежа учением иудаистской секты. Старообрядцы по-прежнему видят в ней «никонианскую ересь», а сторонники катакомбной и карлавадской церквей обвиняют Московский Патриархат в «сергианской ереси».

Церковно-догматическая критика новых религий переросла в безбрежную конфессиональную конфронтацию и, движимая ожесточенным чувством религиозной непримиримости, грозит превратиться в непрекращающуюся и беспрерывно усиливающуюся борьбу всех против всех. Страна может оказаться в хаосе религиозных конфликтов, а там недалеко и до религиозных войн, о возможности которых в России уже раздаются серьезные предупреждения.

Демократическому пути религиозного плюрализма противостоит и утопический проект «воссоздания Святой Руси». Речь идет о возрождении православной церковности в тоталитарно-теократической форме, идеальный образ которой смутно различают в далеком, еще допетровском, прошлом. Предполагается провести поголовное «воцерковление» россиян, руководствуясь стратегией, детально разработанной профессором Св.-Сергиевской Духовной Академии в Париже А. Корташевым. В его книге [11] изложен план установления в России после падения большевистской власти христианско-теократического строя. Исходным пунктом его концепции является главный идеологический тезис «новых религиозных правых»: «христиане не могут быть изменниками своему теократически-тоталитарному идеалу» [11, с. 248]. Он полагает, что «Святая Русь в арматуре новейшей общественности и государственности — это не парадокс, а единственная реальная возможность» [11, с. 48]. Впрочем, не всех представителей реставрационного крыла русского православия устраивает модернизм Корташева. В их воображении Святая Русь не имеет ничего общего с «арматурой» современного общественно-государственного устройства (и в этом с ними можно вполне согласиться), им рисуются средневековые пасторальные пейзажи: монастыри, сельские церквушки и толпы паломников, шествующих к святым местам.

Тем не менее воссоздание «Святой Руси» предполагается осуществить государственно-правовыми и воспитательно-идеологическими средствами. Государственная поддержка Церкви должна стать настолько широкой, чтобы привести к объединению государственных и церковных учреждений, т. е. породить теократический строй в стране. Планируется при государственной поддержке сделать религиозное воспитание всеобщим и строго одноконфессиональным, устранив тем самым светский характер школы и светскую форму государственного строя. Разумеется, эти стратегические планы предусматривают кардинальное изменение ныне действующей Конституции.

Поборники тотального воцерковления россиян не осознают утопичности своих намерений. Их не смущает ни очень низкий уровень религиозной образованности в стране (даже среди священнослужителей), ни то, что «более или менее нормаль-

ной церковной жизнью живет лишь немногим более 10 процентов россиян — именно столько из них исповедуются и причащаются хотя бы раз в год» [12].

Идеологи антикультового движения и борцы за тотальное воцерковление россиян пытаются обосновать свои надежды на государственную поддержку ссылками на примеры протекционистской политики государства, заинтересованного в развитии национальных отраслей производства, защите внутреннего рынка, укреплении собственной валюты и т. п. Однако следование модели религиозного протекционизма неприемлемо для светского государства, придерживающегося принципа свободы совести граждан. Согласно параграфу 15 рекомендации 1202 «Религиозная терпимость в демократическом обществе» (1993) Парламентской ассамблеи Совета Европы, «светское государство не должно возлагать никаких религиозных обязательств на своих граждан. Оно должно пробуждать уважение ко всем признанным религиозным общинам и способствовать их взаимоотношениям с обществом в целом» [13].

Нетрудно заметить, что возрождение духа преследования и травли нетрадиционных религий выливается в неблагоприятную политическую игру: под возгласы об опасности и злокозненности всех без исключения нетрадиционных религий навязывается убеждение в необходимости монопольной государственной религии. Россию, столько претерпевшую от политического и идеологического тоталитаризма, пострадавшую от гонений на религию в целях достижения массового государственного атеизма, вновь хотят вернуть к тоталитаризму, хотя и иному, церковному.

«Незнакомки в пестрых одеяниях и со множеством имен»

С момента возникновения в западных странах религиозно-мистической волны одной из главных задач культурологов, социологов и религиоведов стало выявление специфики новых религий. Однако эта важнейшая для их понимания проблема не только не проясняется в ходе бурных конфессиональных споров и острых идеологических дискуссий, но еще более затемняется религиозными пред-рассудками и политическими наветами. Вместо строго научного анализа новых религий их порой по-прежнему трактуют крайне предвзято и пренебрежительно, даже не прибегая при этом к церковному анафематствованию «ереси», «ловцов человеческих душ», «лжепророков и лжехристов». Подбирают иные слова исходя из социологического или религиоведческого контекста, и стремятся убедить, что это «не подлинные» религии и даже «вовсе не религии», а некие «искусственно сфабрикованные культы», т. е. чистый обман и надувательство. Так старый просветительский миф о «трех обманщиках» вновь оживает применительно теперь уже к бесчисленным «фальшивым гуру». Парадоксально, что эти слова с одинаковым неодобанием произносят сегодня не только церковники, но и кришнаиты, а вслед за ними многие светские журналисты и даже некоторые ученые. Естественно, специфику новых религий при таком ракурсе рассмотрения обнаружить не удается.

На сегодняшний день задача разобраться в особенностях новых религий, выявить характер их воздействия на личность и общество остается весьма актуальной. На Международной конференции по изучению тоталитарных сект (Москва, 1994), созванной по инициативе Русской православной церкви, в ряде научных сообщений Российской академии наук были высказаны мнения об *однотипности* новых сект и культов. Все они либо зачисляются в категорию тоталитарных, либо им приписываются характерные черты «совковости». В них якобы ощущается отзвук утраченного авторитарного строя, жесткой партийно-идеологической системы, административно-волюнтаристских методов руководства. В них видят «родимые пятна» коммунистического строя и его идеологии, влияние которых не может в одночасье изгладиться из менталитета наших сограждан и вновь заявляет о себе в виде своеобразных «религиозных пережитков» авторитарности и тоталитаризма.

Новые секты, скорее всего, действительно порождены общими им всем причинами, однако это вовсе не означает однородности их особенностей, однотипности их строения и организации. Факты свидетельствуют о противоположном: разнообразие новых религий, сект и культов столь велико, что для них трудно подыскать общее название. Неудивительно, что одна из посвященных им книг называлась просто «Странные культы». Дело в том, что новые религиозные объединения порождены так называемой *нетрадиционной религиозностью* и принципиально отличаются от прежних сектантских движений внутри господствующих церковных организаций. Нетрадиционная религиозность представлена сегодня евангельскими учениями (неохристианством), «восточными религиями», оккультизмом и врачевательными культурами.

Для обозначения новых религий широко употребляется термин «Нью Эйдж» — «Религии Нового Века». В отличие от рассмотренных выше сугубо обличительных наименований, эта конфессиональная характеристика имеет двойной смысл: в устах самих богоискателей — позитивный, поскольку знаменует альтернативу существующей социальной и духовной реальности, а в устах их противников из лагеря традиционных религий — негативный, поскольку расценивается ими как сектантское (в основе своей языческое) упование на установление Царства Божьего на Земле. Таким образом, за этим термином стоит, скорее, символическое содержание, а не строго понятийное, передающее специфику новых религий. К тому же мифологема «нового века» не свойственна многим новым религиям и поэтому не может служить показателем их общей специфики.

Недавно введенный в употребление церковными кругами термин «тоталитарные секты» служит миссионерскому обличению иноверных, поскольку недвусмысленно отождествляет религиозные объединения, весьма различные по своему характеру и средствам воздействия на личность и общество, с дискредитировавшими себя тоталитарными политическими режимами [14]. Такая подмена религиозной специфики политической не только не способствует более глубокому пониманию новых религий и свойственных им объединений, но и окончательно стирает их отличие от традиционных объединений верующих (например церковного и монастырско-монашеского типа).

Термин «тоталитарные секты» имеет в основном оценочное значение, используется в качестве однозначно негативной метки конфессиональных противников господствующих религиозных организаций, православных и протестантских. Поскольку «тоталитарными», по существу, являются *все* разновидности религиозных институтов и *все* доктринальные, догматические вероучения, постольку выборочное, негативно-оценочное использование определения «тоталитарные секты» оказывается явно противоречивым и несостоятельным. В условиях сегодняшней всеобщей конфессиональной конфронтации все религиозные объединения стали упрекать друг друга в «тоталитаризме»: православные — православных, протестанты — протестантов, те и другие — взаимно друг друга, а все вместе они ополчились против приверженцев нетрадиционных религий.

Серьезно мыслящие религиоведы, свободные от идеологической или конфессиональной нетерпимости, предпочитают пользоваться понятием «новые религиозные движения», которое давно в ходу у плюралистически настроенных ученых и теологов западных стран. Его достоинство заключается в мировоззренческой нейтральности, в отказе от жестких негативных оценок, имплицитно заложенных в понятиях «тоталитарные» и «деструктивные» культы и ощущающихся в терминах «псевдорелигии», «неоязычество», «неошаманизм», которые подчас отличаются от суровых обличений типа «ложные религии», «религиозное мошенничество», «пагубный сатанизм» лишь своей завуалированной формой.

И все же понятие «новые религиозные движения» не свободно от изъянов, правда, совсем иного рода. Они обусловлены неполнотой охвата всего разнообразия новых религиозных феноменов и недостаточной точностью их интерпретации. Ведь понятие «религиозные движения», строго говоря, относится только к неформальным религиозным выступлениям, т. е. не имеющим строгой

организации и сложившихся религиозных институтов. Поэтому понятие «новые религиозные движения», в сущности, исключает представление о разнообразных институтах, характерных для новых религиозных феноменов. А это разного рода культы, секты, ордена, братства, ашрамы, монастыри. Все эти морфологические различия охватываются понятием «новые религии», которое с этой точки зрения более полно и адекватно.

Однако и в этом случае прилагательное «новые» неопределенно и двусмысленно по своей семантике, поскольку специфика рассматриваемых религиозных феноменов заключается прежде всего в их типологических особенностях, а не в их временном характере. К тому же сам по себе данный термин не указывает, в каком смысле следует понимать «новизну» этих религий: с точки зрения времени их появления или с точки зрения их особенностей.

Между тем специфика «новых» религий связана в первую очередь с *третьим* значением этого термина, а именно с их отношением к «старым», традиционным религиям, которые обычно более или менее резко отвергаются новорожденными (или «пришельцами» из иной социокультурной среды).

Морфология и типология новых религий

Любое религиозное явление представляет собой динамичный элемент духовной жизни общества. Следовательно, для понимания религиозных новаций в первую очередь важно проследить их взаимодействие с окружающей их социокультурной системой. При этом необходимо учитывать различные уровни их спиритуальной активности. Такая стратегия в исследовании новых религиозных движений означает стремление найти ряд характерных для них морфологических состояний, образующих определенную последовательность. Инструментом решения подобных теоретических задач является синергетика — новое теоретико-методологическое направление в изучении сложных самоорганизующихся систем.

Синергетика позволяет представить религиозные новации разного социокультурного характера как последовательный ряд новационных состояний (типов) религии, возникновение которых обусловлено изменением доминирующего внутреннего фактора (параметра порядка) [15]. Это — идеи и представления, определяющие характер данного религиозного явления, а точнее, их инвариантные содержательные смыслы и функциональные значения. Они, в свою очередь, порождаются особенностями социально-исторической ситуации. Иными словами, религиозная новация возникает в качестве ответа на достаточно глубокие изменения общественной системы в целом (цивилизационные сдвиги, секуляризацию и другие социокультурные тенденции) или ее отдельных компонентов (рост индустриализации и урбанизации, националистические оживления, изменения интересов людей и их самосознания). Новые религиозные движения — это религиозные новации, родившиеся под воздействием достаточно весомых (а подчас чрезвычайно острых) проблем современности. Они предлагают своим приверженцам новую сакральную интерпретацию окружающей действительности, решение глобальных проблем современного человека, общества и мира в целом.

Однозначного соответствия между внешними факторами и внутренним параметром порядка религиозной системы не наблюдается. Поэтому в одинаковой (например в странах Запада) социокультурной ситуации может существовать подлинный калейдоскоп религиозных новаций — от нехристианства до неоязычества и от восточного мистицизма до дьяволомании. Столь же пестрая картина наблюдается и в России.

Новые религиозные движения предлагают не просто новое осмысление социальных проблем, они претендуют на качественно иное участие в их разрешении. В зависимости от ситуации (реальной или воображаемой) устанавливают различные типы спиритуализации окружающего мира, характеризующиеся *модальностями* религиозно-практического освоения действительности.

Эти типы новаций противопоставляются исходному, статуйному состоянию религии, так называемому «религиозному истэблишменту», к которому принадлежат официальные, господствующие религии и их церковные организации. Для них характерно либо апологетическое отношение к существующему социально-политическому строю, либо «нейтральное», с подчеркнутым дистанцированием от всех форм общественного устройства и государственной власти. Свойственные им религиозные идеи и настроения обладают разной степенью значимости и активности и могут быть представлены в порядке усиления их модальности как некая последовательность новационных типов новых религиозных движений.

Самая слабая модальность спиритуального обновления мира выражается новационным типом, названным мною *социально-антропологическим перфекционизмом*. Религиям этого типа свойственна фетишизация определенных условий и факторов реальной действительности (от физического здоровья и духовного развития индивида до совершенствования хозяйственно-экономических и политических структур общества). Совершенствование этих сторон человеческого существования рассматривается как панacea глобального улучшения состояния общества, как средство его чудодейственного освобождения от угрожающих ему проблем и противоречий. К этому новационному типу относятся широко распространенные аскетические и физиопсихотерапевтические культы, техники интеллектуального развития, принятые Обществом трансцендентальной медитации, семинарами Эрхарда, макробиотикой Осавы и многими другими новыми религиозными движениями. В Подмосковье, на базе оздоровительного комплекса «Космос», в течение нескольких лет под руководством Я. Колтунова функционировали «Группы коммунистического самопрограммирования», имевшие аналогичный характер и направленность. Сюда же можно отнести объединения, культивирующие у нас в стране карате в паре с религиозными настроениями дзэн-буддизма. Они ориентируются на обретение их адептами нескрушимой силы и мужества, непоколебимости духа и строгости жизни. Примакают сюда и полурелигиозные методики достижения «совершенного образа жизни», подобные древнеяпонской «чайной церемонии», модной во многих странах мира, или современному гербалайфу.

Данный тип религиозных новаций — качественное обновление всей религиозной системы, чего, кстати, недостает обычному религиозному модернизму, который расширяет круг задач, решаемых традиционной религией, отчасти меняет их трактовку, но вовсе не призывает жить по-новому в соответствии с радикально обновленными социокультурными ориентациями.

Спиритуализация действительности — более «сильный» новационный тип новых религиозных движений. Для него характерна не фетишизация реальных факторов земной жизни, а их трактовка в духе оккультизма и спиритуализма. Согласно религиозным представлениям этого типа, обращение к сверхъестественным силам природы, космоса или потустороннего мира гарантирует радикальное разрешение всех земных проблем человечества, позволит ему выйти из современного социокультурного кризиса. К этому новационному типу принадлежат многочисленные разновидности небуддизма и неоиндуизма, а также теософия и антропософия, Агни-йога Рерихов.

Следующие типы новых религиозных движений могут быть названы *альтернативными* за их решительный отказ от существующей социальной реальности и от официальных церквей, поддерживающих ее своим авторитетом. Для этих религиозных новаций неприемлемы никакие реформы существующего строя, а любые программы совершенствования хозяйственно-экономических и политических отношений в обществе, развитие международного сотрудничества отвергаются как бессмысленные и безрезультатные. Для них вся общественная система, весь образ жизни современного человечества представляются неприемлемыми, их недостатки — неисправимыми, а царящее зло — неискоренимым.

Из двух типов новых религиозных движений, обладающих альтернативной

модальностью, обратимся сначала к тому, который можно назвать *спиритуальной трансформацией действительности*, учитывая провозглашаемую цель. К нему принадлежат давно известные милленаристские движения и хилиастические сектантские коммуны. В первых тысячелетнее Царство Божие на Земле рассматривается как ближайшая, реально достижимая перспектива. Во вторых считается, что она уже осуществлена в узком кругу избранных, примеру которых должно последовать все человечество.

В конце XX века большое распространение и существенно различные формы получили ориентации на спиритуальную трансформацию действительности. Наблюдаются два уровня этих ориентаций. Начальным уровнем новаций этого типа являются неопределенные религиозно-мистические искания, *аморфная богоискательская среда*, основательно исследованные на примере американской и западноевропейской молодежной контркультуры. В этой среде популярны религиозные новации альтернативной направленности — «битнический дзэн», «революция Иисуса», психоделия, или «наркотическая революция».

Более высокий уровень активности и организованности присущ *милленаристским сектам и культам*, таким как «Дети Бога» в первые годы их активности в США, у нас — Богородичному центру и Истинно православной восточной небесной апокалиптической церкви Иоанна Богослова. Наблюдающийся здесь высокий уровень эсхатологических настроений с особой силой проявился в киевском выступлении членов Белого Братства, которые инсценировали своеобразный «милленаристский путч» в момент ожидаемого ими наступления Царства Божьего на Земле.

Религии, принадлежащие второму типу альтернативных новаций, провозглашают *уход в сакральный мир*. Этот трагический акт всегда является, в сущности, актом отчаяния и безрассудного фанатизма, но он возвещается как шаг к полному освобождению и окончательному спасению. Новые религиозные движения этого типа также обнаруживают два разных уровня активности. В первом случае чрезвычайно накаленные религиозные настроения выливаются в своеобразную «эсхатологическую панику»: люди бросают свои дома, имущество, родных, близких и иступленно ждут с минуты на минуту конца света. Эта модель поведения подходит под синергетическое понятие «детерминированный хаос», обозначающее состояние крайней возбудимости системы. Во втором случае новые религиозные движения моделируют *апокалиптическую катастрофу*: община совершает коллективное самоубийство (массовое отравление членов «Народного храма» в Гайане, самосожжение адептов «Храма Солнца» в Швейцарии и Франции). Вот так в реальности выглядит тот «фазовый переход», если для обозначения страшных трагедий ухода фанатиков в «иной, сакральный мир» воспользоваться бесстрастным синергетическим термином.

Таковы четыре типа религиозных новаций, представляющих собой, разумеется, только абстракции и идеальные модели реальных религиозных явлений, всегда

Социокультурная типология новых религиозных движений

Новые религиозные движения

Реформационные религии		Альтернативные религии			
социально-антропологический перфекционизм	спиритуализация действительности	спиритуальная трансформация действительности		уход в сакральный мир	
		аморфная богоискательская среда	милленаристские секты и культы	эсхатологическая паника	апокалиптическая катастрофа

достаточно неоднородных и противоречивых. Поэтому у новых религиозных движений, проработавших определенную эволюцию и испытавших на себе воздействия различных социокультурных условий, обнаруживаются (в форме тенденций) различные *типологические особенности*. Они связаны также с неоднородностью контингента религиозных объединений: различные группы верующих в пределах одной религиозной организации (новички, рядовые верующие, монахи, иерархи) ориентируются на разные новационные цели. Кроме того, новационные ориентации обычно не остаются постоянными, а претерпевают порой глубокие изменения. Одни религиозные настроения ослабевают и уходят на задний план, другие усиливаются и начинают доминировать. Поэтому при изучении того или иного нового религиозного движения целесообразно составлять характеризующую его состояние и динамику *типологическую карту*, демонстрирующую наличие признаков разных новационных типов и их эволюционные изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балагушкин Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). М., 1994.
2. Die Gurus kommen//Horizont International. Berlin, 1990. Jg. 23. № 41.
3. Roszak T. The Making of a Counter Culture. New York, 1976.
4. Roszak T. Where the Wasteland Ends. New York, 1976.
5. Toffler A. The Third Wave. New York, 1980. P. 310.
6. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York, 1976.
7. Eliade M. Occultism, Witchcraft and Cultural Fashions. Chicago, 1975.
8. Лесков Л. Устойчивое развитие в космическом измерении//Общественные науки и современность. 1995. № 2.
9. Назаретян А. Технология и психология: к концепции эволюционных кризисов//Общественные науки и современность. 1993. № 3.
10. История общества Сознания Кришны в России//Информационный бюллетень. Центр обществ Сознания Кришны в России. 1994. Вып. 2.
11. Карташов А. В. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956.
12. Возрождение веры — миф или реальность?//Православная Москва. 1995. № 3.
13. Parliamentary Assembly of the Council of Europe. 44-th Ordinary Session. Strasbourg, 1993. 2 February.
14. Балагушкин Е. Г. К вопросу о «тоталитарных сектах» в современной России//Религия, церковь в России и Зарубежье. Информ. бюл. М., 1995. № 3.
15. Балагушкин Е. Г. Синергетические предпосылки морфологической теории религий//Логика, методология, философия науки. XI Международная конференция. М.-Обнинск, 1995. Т. VII.

Е. Балагушкин, 1996